

Елена
АРХИПОВА

мама
~~Нас~~

ДЛЯ ДОЧКИ БИРЮКА

Елена Архипова

Мама для дочки бирюка

«Автор»

2026

Архипова Е.

Мама для дочки бирюка / Е. Архипова — «Автор», 2026

— Да я на вас в органы опеки пожалуюсь! — выдало угрожающе синеглазое чудо. Я опешил, услышав это, а потом расхохотался и согласился: — А давайте! И тогда я на вас в полицию заявление напишу! — На меня? За что? — от удивления девушка пару раз моргнула, но не отступила от меня ни на шаг. — Ну как за что? Вы похитили моего малолетнего ребенка! Из моего же, заметьте, дома! — Которого вы оставили без должного присмотра! — тут же прилетело мне в ответ. — Не правда! Танюшка была дома с няней. С профессиональной, между прочим! — Это вы сейчас серьёзно? Хорош профессионал, нечего сказать! У неё ребенок пропал, а она и не заметила! От автора: Получив ранение, он был вынужден уйти из охранныго бизнеса. Ни семьи, ни детей, да ещё и хромой. Планировал уехать жить в деревню и заняться бизнесом, но у судьбы были на него свои планы

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Архипова

Мама для дочки бирюка

Глава 1

— Агнесса, позволь официально, от лица всей моей семьи, пригласить тебя на семейный ужин!

Савелий был настроен решительно, а потому проигнорировал Асино недовольство по поводу того, как он её назвал.

Да, это было её полное имя, но оно ей категорически не нравилось.

— Сава, позволь узнать, а по какому поводу состоится семейный ужин? — не осталась и она в долгу, назвав молодого мужчину сокращенным именем, которое он терпеть не мог.

— По поводу окончания тобой университета и получения тобой же красного диплома.

— Савушка, а почему у вас дома? Всё-таки это я закончила универ, мне и проставляться, как ты считаешь?

— Агнесса, я тебя прошу, — мужчина, сидящий за рулем дорогой иномарки, скривился, как от зубной боли, — ты могла бы в моем присутствии не употреблять этот ваш студенческий сленг? И потом, что за счеты между близкими, почти уже родственниками?

Сава, затормозив на красный сигнал светофора, посмотрел на Асю выразительным взглядом и продолжил:

— Матушка всё уже приготовила, так что это уже решено. Вот сейчас заедем в магазин, купим шампанского и прабабушке сигарет и сразу едем.

Асина догадка о том, какова настоящая причина семейного ужина, получила свое подтверждение в информации о покупке шампанского. Алкоголь Сава не употреблял категорически, а тут вдруг.

В последнее время Сава пару раз как будто бы ненароком поинтересовался её планами на дальнейшую жизнь.

Она, конечно, рассказала, что планирует пойти работать — не зря же она университет заканчивала.

— Похвально, похвально, — покивал он головой одобрительно. — А дети? Сколько ты хочешь?

— Не думала, если честно, но хотела бы двоих деток, — ответила не задумываясь, озвучив свою детскую мечту о брате или сестре.

— Зачем столько? — удивил её Савелий странным вопросом.

— Ну вот ты один рос. Неужели тебе никогда не хотелось иметь брата или сестру?

— Нет. Не хотелось, — последовало твердое. — К чему плодить нищету?

И это при том, что семья молодого человека совсем не была бедной.

Вообще с некоторых пор Ася заметила, что на самом деле у них с Савелием совсем мало общего.

Да, они по-прежнему были с ним “в отношениях”, как называл это сам Сава. Если, конечно, можно было назвать их встречи исключительно по выходным и совсем недолгие телефонные разговоры по вечерам в строго оговоренное время в будние дни отношениями.

Ася всё чаще стала задумываться о том, а нужны ли ей эти самые отношения с Савой? Любит ли она его? Да, он был первым её мужчиной, но разве это любовь, когда вот так, по выдаче?

Они ведь даже еще жить не начали вместе, а уже всё выглядит так, будто они семейная пара, что прожила в браке четверть века.

А где страсть, гуляния за ручку, поцелуи украдкой? Где это всё? Нету! И не было!
Зачем весь этот пафос и высокопарный слог в общении?

Да, Сава вырос в профессорской семье. В семье, где были одни женщины — мать, бабушка и прабабушка. К слову, самой адекватной, в смысле простой в общении, была как раз прабабушка, несмотря на возраст и свое профессорское звание.

Надо ли говорить о том, что Савушку, как единственного ребенка, любили без меры. Все его заслуги превозносились любящими родственницами до небес. Мальчик рос в обстановке поклонения ему.

Сава был старше Аси на восемь лет. Они познакомились с ним, когда девушка училась на третьем курсе.

Молодой мужчина красиво ухаживал, дарил цветы, водил в музеи и на выставки, с обязательным посещением после этого ресторана.

И Ася влюбилась. Секс у них случился только через год красивых ухаживаний. Примерно тогда же Асю познакомили с семьей.

Сейчас, спустя время, ей уже казалось, что только после секса, убедившись, что она его не обманула, Сава принял решение познакомить её с родными.

Тогда она жутко волновалась. Кусок за тем, первым, ужином “в семье”, как выразилась прабабушка Инесса, не лез в горло, а мать с бабушкой еще и вопросами её засыпали.

Сама прабабушка, к слову, в допросе участия не принимала. Ела, кстати, тоже совсем мало. Зато много пила кофе и курила, поглядывая сквозь сигаретный дым на Асю.

По истечении часа такого общения, которое кроме как допросом Ася уже точно не могла назвать, Инесса, затушила очередную сигарету и зычным, хорошо поставленным голосом произнесла:

— Дорогие родственницы, на правах главы нашей семьи предлагаю отстать уже от девочки со своими вопросами и дать уже ей выпить хотя бы кофе, раз уж поесть вы ей не дали! — и, не давая возможность своей дочери и внучке возразить, крикнула в глубину квартиры, обращаясь к домработнице: — Клавдия, подавай уже пироги!

— Агнесса, дорогая, а как ты относишься... — попыталась было продолжить допрос Роза, мать Савелия, но была прервана Инессой:

— Роза, я сегодня не в голосе? Что конкретно ты не услышала в моем предложении оставить Асю в покое?

— Но бабушка! Я хотела лишь...

— Тебе напомнить, что у нас бывает за пререкание со старшими? — сверкнула грозно взглядом Инесса в сторону своей внучки, заставив ту покраснеть и плотно сжать и без того тонкие губы.

Сама Ася посмотрела на прабабушку с благодарностью и даже едва заметно кивнула ей. Только вот девушка могла поклясться, что мать Савы увидела её переглядывания с пожилой родственницей, и наверняка Асе это ещё аукнется.

Ситуацию сгладило появление домработницы с пирогами.

— Ешь, девочка, — скомандовала Инесса, кивнув на пироги, — ты сегодня ничего не съела за ужином. Спасибо за это моим дорогим родственницам. Клава, собери девочке ужин с собой! Может, хоть дома, в тишине и спокойствии, она *поест*, — выделила последнее слово прабабушка интонацией.

Было это почти год тому назад, но Ася помнила всё слово в слово.

Она потом еще три раза была приглашена “в семью” на празднования дней рождения. Сначала прабабушки, потом матушки и, наконец, бабушки. На свой день рождения Савелий пригласил Асю в СПА. Прямо скажем, удивив её этим.

И вот сегодня Асе предстоит вновь испытать весь этот кошмар под названием “семейный ужин”. Только вот не хочет она вновь через всё это проходить, а потому, мысленно пожелав себе удачи, Ася выпалила:

— Савелий, спасибо, но нет! Благодарю, но я не хочу.

— Что, прости? — мужчина, припарковав автомобиль на парковке перед торговым центром, развернулся к ней всем корпусом. — Что именно ты не хочешь? Шампанского?

— Ничего не хочу! Ни шампанского, ни ужина в кругу твоих родственников, ни твоего...
— Ася осеклась, не договорив.

В конце концов, может, ей только показалось, что Савушка сегодня решил сделать ей предложение руки и сердца?

Брови Савелия медленно, но верно ползли вверх, рискуя такими темпами доползти до макушки.

— Ты... Ты... — пытался он сформулировать свои мысли, но был перебит этой нахалкой:

— И вообще, Сав, я предлагаю взять паузу в наших отношениях. Я завтра уезжаю в деревню к бабушке. Она ждет меня на всё лето. Я ей это обещала весь год. Уезжаю завтра рано утром, на первом автобусе. Так что сегодня я никак не могу быть на *вашем* семейном ужине, — выделила она интонацией местоимение. — Сегодня *мне* надо упаковать вещи, извини! — не давая Саве опомниться, она выскочила из его машины, оставив подаренный им букет на заднем сиденье, и рванула к метро.

“Я это сделала!” — билась в голове единственная мысль.

Желание дышать полной грудью и улыбаться наводило её на мысль, что она всё сделала правильно.

Глава 2

— Девушка, наша остановка скоро! — полноватая женщина, сидящая на соседнем сиденье, легонько потрясла Асю за плечо, напомнив: — Ты же говорила, что тебе тоже в Нижней Сосновке выходить! Вот сейчас Верхняя Сосновка, а потом уж наша. Так что просыпайся.

— Ой, спасибо, что разбудили! Уснула, — пояснила, виновато улыбнувшись, Ася.

— Да подумай, делов-то! Нашла, за что извиняться! — отмахнулась соседка и, подмигнув, продолжила: — Я, когда была молодой, спать могла хоть стоя! Всю ночь напролет прогуляешь, процелуешься с очередным ухажером, а потом вот спишь, чуть где присядешь.

О том, что она не гуляла, Ася не стала говорить женщине. Шевельнулось в памяти что-то знакомое, проскочило какое-то смутное узнавание.

— Да тебя хочь встретят? А то чемодан-то у тебя тяжеленный. Я видела, как ты его едва катила да потом в автобус затаскивала! — продолжила свой допрос женщина. — А ждут ли? Адрес-то есть ли у тебя, красавица, аль нет? К кому ж такая красотка едет?

— Не встретят, но ждут, — заверила женщину Ася, пояснив: — Я внучка Марьи Антиповны, может, слышали?

— Ася, ты, что ль? — обрадовалась соседка. — А я-то всю дорогу гадала, ты или не ты! — видя, что Ася пытается её вспомнить, рассмеялась и махнула рукой: — Да Зинаида я! Живу у почты, красный дом с синими ставнями. Помнишь, может?

— Ой, простите, тетё Зин! Не узнала! — Ася улыбнулась.

— Ишь, какая красавица-то стала! — Зинаида теперь уже открыто разглядывала девушку. — Бабушку решила навестить или насовсем решила перебраться?

— Навестить.

Ответила твердо, удивившись вопросу о “насовсем”. С чего бы вдруг-то? Ну да, она проходила здесь, у бабули, каждое лето, пока училась в школе.

И даже уже потом, когда поступила в институт, приезжала. Пусть уже не на все лето, на две-три недели, но приезжала. И ни разу она, городская девочка, не думала о том, чтобы переехать сюда жить.

— Ну и правильно, что решила приехать в гости. А то смотри, Аська, переезжай! Чего тебе там в городе-то одной делать? Чай, поди-ка, не сахар, особенно сейчас, после смерти матери-то! — бесцеремонно, нимало не заботясь о деликатности и чувствах Аси, влезла в душу Зинаида. — Ты там одна, Антиповна здесь одна.

Мамы не стало чуть больше двух лет тому назад. Похоронили маму здесь же, на деревенском кладбище.

Ася глубоко вздохнула и медленно выдохнула успокаиваясь. Не хватало еще, чтоб эта сплетница слёзы её увидела.

— Давно не была, — ответила успокоившись. — Даже стыдно уже, честное слово.

— Это хорошо, что ты всё ж таки нашла время-то. Всё-то вы, молодежь, куда-то спешите! А старики вот болеют. Вот и твоя Антиповна что-то хворать стала в последнее время.

— Как хворать? — Ася от удивления даже подпрыгнула на сиденье, развернувшись к соседке. — Давно?

— А ты не знала, что ль? — ответила та вопросом на вопрос. — Неужто не говорила она тебе?

— Ни полсловечком не обмолвилась! — заверила Ася свою попутчицу. — Ну бабуля! Ну партизанка! И давно болеет? — повторила свой вопрос.

— Так, почитай, с зимы! Весной так совсем плохо ей было, Бирюк вот даже в больницу её на своем жоповозе отвозил!

— Кто? На чем?

— А сколько тебя в деревне-то не было, ты говоришь? — опять прозвучал вопрос вместо ответа, и Зинаида прищурилась, всматриваясь в лицо девушки.

Ася не говорила попутчице, сколько её тут не было, вспомнила, что бабуля её недолюбливала эту самую Зинаиду, и как раз за длинный язык, но тут надо было отвечать.

— Так с позапрошлого лета не было меня. Хотя нет, прошлым летом приезжала, но всего на неделю, — призналась честно, хоть и знала, что потом ей эти откровения обязательно аукнутся очередной сплетней по деревне.

— У, милая, так тут у нас за два-то года знаешь сколько всего поменялось! — протянула известная сплетница.

И, кивнув в окно на ряд новеньких, на стадии завершения, домов, мимо которых проезжал их автобус, пояснила:

— Вона, видишь дома?

— Вижу. Красивые, — не задумываясь, похвалила Ася. — Никак хозяин наконец-то у земли появился?

— Ха! Да какой он хозяин? Так, очередной вор! — припечатала Зинаида зло. — Купил, говорят, за бесценок, сейчас вона домов понатыкал и продаст втридорога!

— Так землю продали кому-то под застройку?

— Да! Представляешь! И знаешь кому? — продолжила интриговать Зинаида.

— Нет.

— Бирюку!

— Кому??

— Да помнишь на окраине деревни, считай уже за деревней, дом давно пустовал?

— Помню, конечно. Мы туда всей гурьбой купаться бегали. Там же самый лучший пляж.

О том, что не только купаться, а и есть малину, что разрослась, предоставленная сама себе, став уже мелкой, но всё равно сладкой, она говорить тетке Зине не стала.

Две деревни — Верхняя Сосновка и Нижняя Сосновка — стояли на противоположных берегах огромного озера. Понятно, что вся ребятня днями напролет пропадала на этом озере.

— Вот наш Бирюк энтот дом и купил. Снес старый, построил новый, и всё за одно лето! Да ты бы видела его хоромы! Вот откуда у мужика деньги? Не иначе браконьерством на озере промышляет! А ведь у него дочка сикилавка совсем! Вот чему он её научит, без жены-то, а?

— Тёть Зин, так за что ж Вы так человека? Сами же говорите, что он один дочку растит. Разве может мужчина, не бросивший своего ребенка, плохим быть? — Ася попыталась пристыдить сплетницу.

Но та, услышав слова девушки, лишь зло поджала губы.

— Чтоб ты понимала в мужиках! — зло выплюнула ей на это Зинаида.

Но Ася закончила:

— Опять же дома он вон какие красивые строит! Радоваться надо, что новые жители появятся в деревне. Глядишь, и возрождаться начнут сёла-то.

Того, о ком говорила Зинаида, Ася не знала. Да и ей сейчас не было никакого дела до какого-то там Бирюка. Болезнь бабули, о которой та не обмолвилась ни словом, занимала сейчас все её мысли.

Автобус наконец въехал в их деревню, и Ася порадовалась тому, что проспала большую часть дороги. Права была бабуля, когда говорила, что Зинаида зла и завистлива, вот и какому-то незнакомому мужчине, который один растит дочь, да еще строит красивые дома, завидует.

Если бы ей в этот момент кто-нибудь сказал, что судьба её совсем скоро сведет с этим самым мужчиной, Ася бы очень удивилась.

Попрощавшись с теткой Зинаидой, Ася подхватила свой огромный чемодан и двинулась в сторону дома бабули.

Девушка шла по деревне и одновременно узнавала и не узнавала её.

Оказывается, у них в Нижней Сосновке тоже было построено несколько новых домов. Правда, в их деревне дома строили в основном местные жители, из тех, кто мог себе это позволить.

Завидев Асю и узнав её, здоровались. Но были и совсем незнакомые люди. Этот момент тоже радовал. Это говорило о том, что деревня разрастается, прирастая новыми жителями.

Дом бабули был далеко от автовокзала и почти в конце улицы, так что скоро по деревне прокатится новость о том, что к Антиповне внучка в гости приехала, и сообщит эту новость Зинаида.

Бабуля была дома — как всегда чем-то занималась в огороде.

Услышав, что скрипнула калитка, развернулась и приложила сухонькую ладошку к бровям наподобие козырька, сиюсья рассмотреть гостя. Ася, увидев бабулю и услышав её сказку, которой она встречала каждый скрип калитки, начала улыбаться:

— Кого это к нам принесло?

Увидев внучку, охнула и засемила Асе навстречу.

— Внуча! Что ж ты не позвонила-то? Я бы встретила тебя на вокзале! Или бы вона Павлушу попросила, он бы на машине встретил тебя, — запричитала, обнимая и вытирая украдкой слёзы радости.

— Привет, ба! — Ася уткнулась в бабулину шею, сдерживаясь из последних сил, чтобы не разреветься самой.

О каком Павлуше бабуля говорит, девушка не знала. Наверняка кто-то из соседей, с кем ба общалась.

Антиповна первая взяла себя в руки:

— Дай хоть посмотреть-то на тебя, внуча! — отодвинулась от внучки на шаг, окинула ту с головы до ног и вынесла вердикт: — Хороша. Ой, хороша! Только тоща уж больно! Ну пошли в дом, красавица, откармливать тебя буду. Как знала, что исхудала ты там в своем городе! Я вот и пирогов напекла, и крошки накрошила.

— С твоим фирменным квасом?

— Да уж понятное дело, что не с магазинным!

Бабуля ушла в дом первой. Ася подтащила свой большой и тяжелый чемодан к крыльцу, держась двумя руками за ручку, втянула его по ступеням и, открыв входную дверь настежь, закатила в сени, обратив внимание на то, что и входная дверь, и порог у бабули новые.

— Ба, а кто это тебе тут отремонтировал-то всё так хорошо?

— А, так Павлуша же и поставил! Дай Бог ему здоровья! До чего же щедрой души человек! Только вот счастье своё всё никак найти не может, — ба вздохнула и скомандовала: — Так, сначала иди умойся с дороги, я как раз сегодня баньку истопила, а уж потом буду тебя кормить.

— Ой, ба! Ну какая банька по такой жаре? Я уж лучше на озеро вон быстренько сбегаяю.

С этими словами Ася открыла свой чемодан, нашла в нем купальник и легкий сарафан, быстро переоделась, влезла в любимые шлепки, подхватила полотенце, стащила со стола два пирожка с повидлом и умчалась на озеро.

Крикнула уже из сеней:

— Я быстро, ба!

— Ой, егоза, — улыбнулась Антиповна ей вслед и принялась накрывать на стол.

Глава 3

— Ой, Павлуша, до чего же сладко с тобой, — Любка потянулась залюбленной кошкой и погладила теплой ладошкой широкую спину мужчины, сидящего на краю кровати и усиленно разминающего свою больную ногу.

— Ты еще скажи, что я лучший, — хмыкнул мужчина.

Проигнорировала слова мужчины и предложила:

— Давай я массаж сделаю? — спросила, в тайне надеясь, что может хоть в этот раз он разрешит ей прикоснуться к своей изуродованной шрамами ноге. — Я умею, ты ведь знаешь.

— Не надо, — ответил угрюмо. — На погоду болит. Барометр, мать её так. Точно к ночи будет дождь.

— Ой, да брось, Павлуша! Ну какой дождь! Я слушала прогноз погоды. Опять всю неделю будет пекло. Огород вон не успеваем с матерью поливать!

В подтверждение своих слов женщина кивнула на задернутое плотными шторами окно.

Да, сегодня опять стояла жара. Солнце прогрело воздух до плюс тридцати трех, а на небе не было ни облачка.

Павел не стал ничего доказывать любовнице, он мог спорить на что угодно — дождь будет. И если судить по тому, как у него болит нога, то будет не просто дождь, а гроза.

Встал, прихрамывая сильнее, чем обычно, на левую ногу, дошел до вещей, лежащих на кресле, оделся и только потом посмотрел на женщину в своей кровати:

— Люба, мне на стройку надо отскочить. Танюшка пока спит, но скоро начнет просыпаться. Так что ты бы тоже оделась уже, а?

— Сейчас оденусь, — женщина медленно, с удовольствием ловя на себе взгляд мужчины, потянула простынь вниз, оголяя свои прелести.

— Люба! — рыкнул недовольно и отвернулся.

Любке Спиридоновой в свои тридцать пять было чем гордиться и чем соблазнять. И, надо сказать, она этим вполне успешно занималась — её сто десять-семьдесят-сто имели успех у мужчин.

Верхние сто десять — это была натуральная упругая грудь нерожавшей женщины, семьдесят — узкая талия и мягкий животик без растяжек, переходящий в манящий треугольник без единого волоска, нижние сто — аппетитные и упругие ягодицы.

Но с недавних пор Любаню не интересовали другие мужики, ей нужен был только один конкретный — Павел Лебедев. Самый завидный жених на обе деревни, что стояли на берегу озера.

Павел приехал в их деревню чуть больше двух лет тому назад. Удивил местных, купив полуразрушенный дом на окраине, снес его, быстро построил новый и большой, и теперь жил в нем с пятилетней дочерью.

Сплетница Зинаида всем рассказывала, что он, охраняя важную шишку, получил ранение, потому-то, мол, и хромает. Шишке той хромой охранник не был нужен, и Павла, мол, выгнали с работы, заплатив огромные отступные.

Еще Зина всем рассказывала, что он вдовец и в деревню приехал, сбежав из города, где якобы ему все напоминало о его умершей жене, что, мол, деньги, и это она теперь точно знает, достались ему от богатой жены. Якобы жена, умирая, взяла с него слово, что он больше не женится. И он сбежал от соблазнов в деревню.

Сам Павел на эту тему ничего и никому не рассказывал. Ну, может, если только Антиповне, с которой как-то умудрился сойтись ближе, чем с кем бы то ни было еще в деревне. Но у той было бесполезно что-то спрашивать, не расскажет. Кремень бабка! За это её уважали и даже побаивались.

Любка долго подбиралась к Павлу. Был он нелюдим, растил дочку один и ни любовных шашней не крутил, ни дружбы ни с кем особо не заводил. За что его очень скоро и прозвали Бирюком.

Но не мог же такой brutальный мужик быть евнухом, верно? И она нашла, с какой стороны к нему подобраться — Павлу для дочки нужна была няня. Не каждый день, а только тогда, когда мелкая и избалованная отцом вредина болела.

Под предлогом, что девочке нужен уход и ночью, Любана осталась пару раз на ночь в доме Лебедева. А потом, и это как-то само собой получилось, проскользнула и в его кровать.

А всего-то надо было будто бы забыть закрыть дверь в ванную комнату.

Нет, Павел Лебедев евнухом точно не был! А вот ненасытным любовником — да, был.

И, кстати, Любка совершенно точно могла сказать, и вот ни на граммuleчку не покривив душой, что он был лучшим любовником.

Правда, ни в его, ни в душу его дочери проложить тропинку у женщины не получалось.

Однако душой Любана не была и понимала, что Павел терпит её только ради секса. Любка готова была потерпеть и грубоватое обращение Павла, и его капризную дочь.

— Ну ничего! Забеременею от него, он быстро у меня шелковым станет. Женится как миленький и полюбит! — делилась Люба своими планами с матерью.

— Правильно, доча! Ничё, стерпится-слюбится, не зря же люди говорят! — поддерживала свою красавицу-дочь мать.

А пока не забеременела, Любе приходилось терпеть и его суровый приказной тон, и капризы его дочери. А потому, услышав слова Павла, Люба беспрекословно встала с кровати, оделась, натянула на лицо улыбку и произнесла:

— Да, Павлуша, поезжай. Работа главнее! Конечно, я присмотрю за Танюшкой! И лекарства по времени дам. Всё помню. Не переживай. Не впервой же нам вдвоем оставаться с дочкой... — увидев, как напряглась спина мужчины, и как он начал медленно разворачиваться в её сторону, поспешно добавила: — с *твоей* дочкой, Павлуша, с *твоей*. С Танюшкой.

Павел кинул хмурый взгляд на Любу, кивнул и бросил, выходя из своей спальни:

— Я недолго. К ужину вернусь.

Проходя мимо детской, замер на миг, прислушался к дыханию дочери, вздохнул тяжело, качнув головой, и вышел из дома.

А спустя пять минут Люба увидела, как огромный джип Павла выехал за ворота.

— Ты поезжай, Павлуша, поезжай! — пропела себе под нос и отправилась в ванную комнату. — Пока Танька спит, хоть ванну приму.

У неё дома была баня и был душ, а вот такой огромной ванной комнаты, да еще и с джакузи, не было. Так отчего бы и не побаловать себя, любимую, верно? Тем более что она заслужила это, доставив удовольствие хозяину дома.

Решив подстраховаться, Любка всё-таки приоткрыла дверь в детскую и в ванную:

— Вот теперь точно не пропущу эту шилозадую!

Однако то, что девочка уже проснулась и даже выбежала во двор, захотев поцеловать отца, Любка не увидела и не услышала. Вода, наполняя ванну, шумела, скрывая остальные звуки, да и сама Любана напевала себе под нос, выбирая пену для ванны и стоя к двери спиной.

Знала бы горе-нянька, чем для неё этот побег Танюшки обернется, ни за что бы не полезла ванну принимать!

Глава 4

Танюшка выскочила на улицу, увидела, что папа уже уехал, и протянула тоскливо:

— Ну во-о-о-от... Уехал...

В дом возвращаться не хотелось — на улице было жарко, а озеро, что находилось совсем рядом, манило теплой водой, визгами и счастливыми криками других детей из деревни. А дома её опять посадят смотреть телевизор, будут заставлять пить противное лекарство и есть невкусную кашу.

Девочка подошла к забору и сквозь щель между досками посмотрела на озеро и на детей, что плескались там. Буркнула недовольно:

— Даже Мишка рыжий там, а у него тоже кашель был!

Их с папой дом стоял на пригорке, а потому девочке хорошо было видно и озеро, и детей, что купались.

Постояв недолго и посмотрев на Мишку и на то, как он плещется там, где мелко и тепло, быстро оглянувшись на дом и решила:

— Я быстро! Она даже не узнает!

К озеру она, как послушная девочка, пошла не через главную калитку, вспомнив, как учил её папа, запрещая ходить по обочине дороги: “Танюш, тут же машины быстро ездят. Одной тебе нельзя здесь ходить! — говорил он. — Если я узнаю, что ты тут ходишь одна, я расстроюсь!” — “Очень расстроишься?” — “Очень!” — папа её никогда не обманывал.

Во-первых, папу Таня расстраивать не хотела, а, во-вторых, через вторую калитку до пляжа было ближе.

На берегу озера всегда было много детей из деревни. С ними было интересней и веселей, чем с противной и злой тётей Любой, которая к тому же, пока не слышал папа, заставляла Танюшку называть её “мама Люба”.

Мамой называть Любу девочка не хотела, не нравилась ей эта тётка. От неё противно пахло приторными духами, и она врала Танюшкиному папе, когда рассказывала ему о том, что они целый день вместе играли и читали книжки. А они не играли! Люба целыми днями что-то смотрела в телефоне, а Танюшка играла одна! И книжки она одна рассматривала.

Танюшка очень хотела рассказать папе правду, что тётя ей не нравится, но боялась, что он расстроится.

— Если ты расскажешь кому-то, а особенно папе, то твой любимый папочка очень будет ругаться и расстроится! — так ей сказала тётя Люба. — Ты ведь не хочешь этого? А еще ты маленькая, он поверит мне, а не тебе!

И Танюшка молчала. Она очень, очень не хотела, чтобы папочка расстраивался и ругался.

А ещё эта противная Люба постоянно обнимала папу. А папа был только Танюшкин!

И, кстати, папе тоже не нравилось, когда Люба его обнимала, Танюшка это точно знает! Она видела, что папа морщился и отодвигался от приставучей тетки!

— Она опять в своем телефоне будет читать! А я быстренько сбегаю и вернусь! — с этими словами девочка взяла надувной круг, что лежал в тени сарая, надела панамку, как её учил папа, и вышла через заднюю калитку.

К озеру вела довольно узкая тропинка, спуск был не очень крутым, к тому же Танюшка тут уже сто раз ходила с папой. Она уже большая девочка, она и одна, без папы может.

Вот только искупается один раз, покажет Мишке язык, чтоб не зазнавался, и домой прибежит. Никто и не узнает!

Мишке, конечно, очень хотелось треснуть чем-нибудь, но Танюшка обещала папе, что не будет больше драться.

— Ну и ладно! Язык только покажу, и всё!

И Танюшка припустила вниз бегом.

Надувной круг, что девочка надела сразу, как будто уже была в воде, не позволял ей видеть тропинку под ногами. Танюшка уже пожалела, что так нацепила круг, но уклон пригорка сыграл с ней злую шутку — она уже набрала разбег и не могла остановиться. А значит, приходилось бежать.

Не рассчитав своих сил, очень скоро Танечка запнулась обо что-то и кубарем покатилась вниз.

Неизвестно, чем бы закончился её скоростной спуск, если бы на траектории её движения не случилась Ася. Девушка, тоже решив сократить путь к озеру, пошла по этой же тропке.

Шум за спиной привлек её внимание, Ася обернулась и увидела, как на неё летит, кувыряясь, рыжеволосая девочка с ярким кругом для плавания.

— Па-а-апа-а-а! — неслось испуганное.

Ася, чтобы не быть сбитой, как кегля, отступила на шаг в сторону и приготовилась ловить яркий снаряд.

Снаряд прилетел быстро.

— Оп-па! Поймала! — подхватив девочку на руки, сообщила ей радостно.

— Па-а-ап-п-па-а-а, — всхлипывала девчушка, шмыгая носом и размазывая слезы по щекам.

Ася быстро осмотрела девочку — на одной щеке свежая царапина, под глазом наливался синяк, а на коленке неглубокая ссадина. Обработать бы всё, пока не проникло в ранки. Да кто ж из детей добровольно-то даст коленки промыть?

Ася подняла глаза вверх по тропинке, надеясь увидеть отца малышки. Ох, ну он сейчас у неё отгребет! Это ж надо, такого маленького ребенка одного отпустить бежать по такой крутой тропинке!! А если бы она сейчас её не поймала? Что бы еще могло сломать-покалечить себе это рыжеволосое чудо?

О том, что было бы, не поймай она ребенка, Асе даже подумать было страшно. А вот что было ещё страшнее, так это то, что на тропинке не было больше никого. Девочка шла купаться одна!

Да что там за родители такие? Органов опеки на них нет!

— Ну всё, малышка, всё! Я тебя поймала. Видишь, уже всё!

Ася, злясь на нерадивых родителей малышки, гладила девочку по спинке, успокаивая и прижимая её к себе. Наполовину сдувшийся круг для плавания валялся на земле. Вот уж точно, как говорит бабуля, не было бы счастья, да несчастье помогло — круг для плавания сыграл роль амортизатора, и дитё не покалечилось. Точнее, Ася очень на это надеялась.

— Уже всё. Уже не страшно.

— Угу, — девчушка кивнула и пару раз ещё всхлипнула.

— Где болит? Покажешь?

— Здесь! — тонкий пальчик показал на поцарапанную щеку.

— Всё? Или ещё где-то?

— Здесь, — на синяк под глазом, — и еще вот здесь, — это уже на разбитую коленку.

— Ох, малышка, как же ты меня напугала! — Ася прижала к себе худенькое тельце и погладила девочку по головке. — Ну щечку мы твою помоем, синяк кремом намажем, а к коленке приложим подорожник, и у тебя всё пройдет.

— Кремом из красивой баночки? — уточнила девчушка.

— Из красивой, — заверила Ася, не задумываясь. — Я попрошу бабушку, и она тебе тоже самую красивую даст!

— Правда? — отодвинулась от Аси и подозрительно всмотрелась ей в глаза.

— Правда-правда! И баночку даст, и намажет, и слова волшебные скажет! Вот так поводит, — Ася поводила по ладошке девочки пальцем, — и у тебя сразу всё заживет. У моей

бабушки знаешь, какая легкая рука? Она только тебя поцелует, и сразу всё заживет! Честное слово!

— Легкая рука? Это как? — девочка, перестав всхлипывать, смотрела удивленно.

— Это просто такое выражение, — Ася задумалась, как объяснить маленькому ребенку, что оно означает. — Так говорят, когда любое дело у человека хорошо получается. Вот моя бабуля, например, умеет печь очень вкусные пирожки! Вот, держи!

Ася протянула девчужке второй не съеденный пирожок и улыбнулась:

— Попробуй! Вку-у-усный!

— А тебе? — удивила девочка заботой.

— А у меня дома еще есть, — заверила Ася ребенка, отметив, что девочка воспитана явно мудрым и добросердечным человеком.

Девочка задумалась, но пирожок взяла, откусила много, на полный рот, и, жуя с набитым ртом, выдала:

— А у феня фука фефёлая.

— Да? А ты откуда знаешь, что у тебя рука тяжелая? — Ася смотрела на малышку, с удовольствием жующую пирожок, и всё больше злилась на её родителей. — Можно, я тебе хвостики поправлю? Меня, кстати, Ася зовут. А тебя?

— Танюфка.

— Так откуда ты знаешь, что у тебя рука тяжелая, Танюшка?

— А я Мишке рыжему как вдарю, он всегда ревёт! Рёва-корёва!

— Танюш, девочки не должны драться. Тем более такие красивые! Ася нажала на кончик носа девочки: — Пип! Вон какой у тебя носик ровненький! А будешь драться, будет кривой, как у Бабы Яги. Ты ведь не хочешь себе такой нос, правда?

— Нет. Не хофу.

— Ну вот видишь!

— Я знаю, фто не должны, — девочка дожевала пирожок и вздохнула, — папа мне тоже это говорит. Только Мишка дразнится! Говорит, что я с яз... что с иза... Что я с и-зья-ном! — по слогам выговорила девочка трудное для себя слово.

— Что за глупости! Нет у тебя изьянов! — горячо заверила Танюшку Ася, мысленно сделав себе отметку узнать у бабули, кто родители у этого Мишки рыжего.

— А вот и есть! — обиженно произнесла девочка. — У меня мамы нет. Мишка говорит, что она потому меня и бросила, что я... что я...

— Я поняла! Не повторяй всякую ерунду! — произнесла строго, не дав ребенку договорить. — Сам твой Мишка с изьяном, раз обидные слова такой красивой девочке говорит!

Тут Ася посмотрела на ребёнка более внимательно, потом перевела взгляд на дом, что стоял на пригорке, и её осенила догадка:

— Танюша, а ты в этом доме живешь, да? — показала она на дом.

— Да.

— А давай мы тебя домой к папе отведем? Он же, наверное, потерял там тебя, волнуется, ищет.

— Не хочу домой! — девочка насупилась. — Там только тётя Люба злая. Она заставляет меня называть её “мама”. А я не хочу! Она мне не мама! А папочка мой на работе. Я проснулась и видела, как он уехал!

— Та-а-ак, хо-орошо-о-о-о, — протянула Ася, — я тебя поняла. Знаешь, что? Давай-ка мы пойдем тогда к нам в гости. Я во-о-он в том доме живу, где красивый петушок на крыше сидит, знаешь?

На крыше бабулиного дома сиял флюгер в форме сказочного петушка.

— Знаю! Там бабушка Маша живет, — обрадовалась девочка, — она добрая! Пойдем! — и сама, уцепившись за руку Аси, потянула её в сторону дома бабули.

Глава 5

— Бабуля! Смотри, кто к нам в гости пришел! — Ася распахнула дверь в дом и объявила с порога.

— Баба Маша, приве-е-ет! — Танюшка, скинув сандалики в сенях, рванула в дом.

— Ох, ты ж батюшки, Танюшка! — Антиповна погладила по макушке девочку, что доверчиво прижалась к её коленям. — Это где же вы уже познакомились-то, горемычные вы мои?

— На тропинке, что от её дома к озеру ведет, — вздохнула Ася. — Купаться она бежала. Ну как бежала, кубарем катилась.

— Ох, ты ж! Как не убилась-то, а? Нигде не болит?

— Вот здесь и здесь! — девочка отлепилась от колен пожилой женщины и показала царапину на щеке и на разбитую коленку. Заплывший глаз бабуля и сама уже увидела.

— И всё?

— Да.

— Ох, силен у тебя Ангел-хранитель! — Антиповна покачала головой. — Там же сплошь камни и корни.

— Ну вот! А она одна! Кубарем летела. Хорошо, я там же решила дорогу сократить. И вот! Сократила! — Ася вздохнула. — Хорошо, круг для плавания на ней был, он и ловил всё на себя.

— Танюша, пойдем щечку помоем твою, да и коленки с ладошками вон гляди, какие грязные, — предложила Антиповна, намеренно не акцентируя внимания на разбитой. — Там у меня Асино платьюшко есть, тебе оно сейчас как раз впору будет. Как знала, на днях из шифоньера достала да постирала. Тебе и хотела отнесть. А ты вот она. Сама за ним пришла.

— Красивое?

— Красивое! — заверила. — Идем мыться. У меня и банька истоплена. Тебе в самый раз там тепленько будет.

— Я не хочу в баню! Там жарко! И щипать будет! — запротестовала было Танюшка.

— А я не парить тебя туда веду, а только вона грязь смыть, — заверила ба девчушку. — А будет щипать, так я тебе пофучаю.

— А кремом из красивой баночки помажешь?

— И кремом помажу! — пообещала охотно.

Ася, слушая то, как бабуля разговаривает с маленькой девочкой, начала улыбаться — когда-то и с ней ба вот точно так же говорила, отвлекая, но делая то, что необходимо. Промывала, обрабатывала, дула на ранку.

— А потом будем окрошку кушать и пироги. Ты же любишь с повидлом? — продолжала тем временем бабуля

— Люблю.

— Ну и хорошо, — согласилась Антиповна и, взяв Танюшку за ручку, направилась к двери, обращаясь к Асе: — Внуча, принеси нам в баню платьюшко, там у меня на кровати лежит. Беленькое в горошек. Ну да сама там увидишь.

— Баба Маша, а почему ты нас с Асей гор... гоме... го-ме-рич-ными назвала? — произнесла хоть и по слогам, но исковеркала Танюшка новое для себя слово.

— Ишь ты! Запомнила! — усмехнулась бабуля, а вместе с ней и Ася. — Ну пойдем, пока мою, расскажу.

Бабуля с девочкой ушли в баню, а Ася пошла в спальню бабули.

Там, на её кровати, лежало то самое платье, о котором шла речь. Ася его помнила, ей его когда-то шила ба. И самой Асе оно нравилось.

— Надо же, сохранила, — улыбнулась она тепло, разглядывая платье, разложенное на кровати. — И правда, впору будет.

Подхватив платье, пошла и она в баню, вспомнив, что так и не получилось сегодня искупаться в озере, решила:

— Ладно, придется и мне сегодня вместо озера в бане плескаться.

А спустя полчаса Танюшка с Асей сидели за столом у окна и с аппетитом уминали бабушкину еду.

— Танюш, молочка налить тебе? — задала вопрос ба и уже потянулась за яркой кружкой, как за окном по улице промчался, подняв пыль столбом, огромный джип.

— Ох ты ж батюшки! — всполошилась Антиповна и потянулась к старенькому кнопчному телефону, что лежал здесь же, на подоконнике. — Танюша, папке-то твоему мы не позвонили. Он же потерял тебя, волнуется.

— Ничего и не потерял, и не волнуется. На работе он, — надула губы девочка. — У него там Люба есть! А я всё равно скоро в школу в город уеду.

— Это кто ж тебе такое сказал? Зачем в город? У нас и своя школа есть. Новая, — озадачилась ба.

— Мне Люба сказала, что она меня в город отвезет, если я её не буду “мамой” называть. А какая она мне мама?

Ася с бабушкой переглянулись, и девушка протянула руку за телефоном:

— Ба, давай я позвоню. Как раз и скажу всё, что думаю об этом горе-папаше!

— Асенька, ты давай-ка тут вон с Танюшкой, а я уж сама Паше-то позвоню! — Антиповна подслеповато прищурилась, нажимая нужный номер, и, ворча себе под нос, вышла. Последнее, что слышала Ася, было: — Мамой, значит, да? Ну, Любка! Ну, змея подколотная!

Слыша такой бабулин настрой, успокоилась. Надо было знать её ба, сейчас мало никому не покажется! И в первую очередь этой самой Любе.

Ася еще её не видела, но женщина уже ей не нравилась. Нет. Не так! Она была очень зла на корыстную тётку. Это ж какой стервой надо быть, чтобы маленькому ребенку угрожать?

А отец что же? Совсем ничего не видит и не замечает? Или тоже хочет отправить дочь в город, чтобы не мешала им тут жить?

Ася так и не определилась со своим отношением к отцу девочки, когда в дом вернулась ба.

— Сейчас приедет! — ответила на немой вопрос внучки. Девочка, услышав слова женщины, сжалась в комочек. Антиповна подошла к столу и погладила ту по головке: — Кушай, Танюша, кушай! Не бойся ничего!

Глава 6

— Павел Петрович, ну смотри сам! — бригадир, едва увидев подъехавший джип хозяина, вышел на крыльцо недостроенного дома. — Ты понимаешь, хитросделанные какие, а? На фото нам одно показали, а прислали совсем не то!

Крупный седой мужчина тыкал пальцем в банки с маслом для дерева.

Павел хмуро посмотрел на то, куда указывал бригадир — да, заказывали они товар совсем другого класса. Это, которое хитрые бизнесмены прислали под видом их заказа, не подходило совсем. К тому же стоило оно почти в два раза дешевле. Вот уж точно “хитросделанные”!

Сроки сдачи горели, оставалась только внутренняя отделка, но именно она, как известно, берет больше всего времени и сил. Так еще и поставщики подводят.

— Не кипишуй, Иваныч, сейчас решим! — заверил бригадира и потянулся за телефоном, чтобы набрать поставщика.

— Да звонил я уже им, понимаешь! Дурака включают и доказывают мне, что это мы сами такое указали в заказе! — бригадир выматерился сквозь зубы.

— А ты точно не его заказывал? — Павел уточнил чисто для себя, так как код, указанный на банке, отличался от нужного им всего на одну букву и цифру.

Так что да, могли и ошибиться, человеческий фактор нельзя было исключать.

— Да вот на! Смотри сам, у меня тут всё записано! — бригадир отщелкнул кнопку на кожаной папке, что неизменно таскал с собой, выудил из неё листок и протянул Павлу, объясняя:

— Вот, видишь, записал же и артикул правильный, и галку рядом отчекрыжил, что заказал именно это.

— Понял, Иваныч. Погодь, сейчас всё решим, — Павел нашел в телефоне контакт под именем “масло”, дождался, когда сняли трубку, и начал разговор предельно вежливо.

Бригадир усмехнулся — когда-то и он недооценил эти спокойные интонации в голосе Павла. Вот вроде и спокоен человек, но с каждым произнесенным им словом в голосе всё отчетливее слышалось еле сдерживаемое раздражение, если не сказать бешенство. И ведь всё предельно вежливо, что и не придерешься!

Иваныч не знал, с кем говорил его шеф, но был уверен, что масло им привезут правильное, причем сегодня же, ещё и извинения принесут за ошибочную доставку.

Сам он всю жизнь работает на стройках, повидал и наслушался всякого. И совершенно точно может сказать, что такого шефа, как Павел, у него не было ни разу.

Увидев Павла в первый раз, Иваныч, вот же дурак старый, решил было, что не получится у этого горожанина ничего.

Коротко, под машинку стриженный, с рыжеватой бородкой, приехал на дорогом джипе. Вот ведь вроде весь из себя и интеллигентный, на тросточку пижонскую опирается, матом не ругается, говорит негромко, но поневоле вынуждает к себе прислушиваться.

Но и это еще были не все странности — было во взгляде этого странного мужика что-то такое, что пробирало до костей. Даже его, Иваныча.

“Из бандитов, что ли?” — мелькнула первая мысль при взгляде на потенциального работодателя.

Мужчина вылез из машины, прихрамывая на левую ногу, обошел её и, вдруг открыв заднюю дверцу, забрал из машины дочку.

“Явился, понимаешь ли, на стройку с малявкой на руках. Зачем дитё-то надо было тащить с собой? Жены, что ли, нет? — недовольно фыркнул было Иваныч. Услышав слишком спокойную и мягкую манеру речи Павла, припечатал мысленно: — Не сработаемся!”

Это уже потом Иваныч понял, что Павлу Петровичу Лебедеву не было нужды орать, переменяя нормальные слова матами. Его и так все понимали с первого раза.

Умел он как-то так пригвоздить взглядом и короткими, рублеными фразами, сказанными тихим голосом, что спорить не хотелось. Совсем. Даже взрослым мужикам.

Жена Иваныча — и то каждый раз его спрашивала:

— Как ты работаешь-то с этим Бирюком? Он только глянет, а у меня уж коленки трясутся!

— Это где ж он на тебя глядел?

— Да вот хоть бы и в магазине нашем. Позавчера я за хлебом бегала, а он там с дочкой полную корзинку чего-то набирал. Я за ними стояла. А он, главное дело, на меня обернулся, увидел, что я только хлеб держу, и говорит: “Проходите вперед, а то мы долго будем!”

— Ну и чего? Прошла?

— Да куда? Он с дитём, а я-то что? Постою.

— Так чем ты недовольна-то, не пойму? Человек тебе предложил вперед пройти, ты ж сама не захотела.

— Ой, да ну тебя! Как к такому задом-то повернуться? Больно уж он на бандита похож! Зинка вон еще говорит, что это он жену-то угробил.

— Дура твоя Зинка! Сколько разов тебе говорил, чтоб ты не слушала её! Не гробил Павел Петрович свою жену! Она сама родами померла, — бросил в сердцах тогда Иваныч. — И ты чтоб не собирала больше сплетни о нем! Да всем бы нашим мужикам такими, как он, быть! Не каждая мать так о своем дите заботится, как Петрович о своей Танюшке. Тьху, дуры бабы, как есть дуры!

И вот сейчас Иваныч слушал спокойный голос шефа и понимал — всё исправят и сами привезут. Скорей бы, а то ведь сроки у них. И словно ответом на свои мысли услышал:

— Значит, жду сегодня к пяти. С вами приятно иметь дело. Да, вас тут встретят и вернут обратно все банки. Всё понимаю, человеческий фактор.

— Неужто сегодня привезут? — переспросил недоверчиво бригадир, когда увидел, что Павел закончил разговор.

— Через два часа обещали, — Павел усмехнулся. — Сам слышал, ошибся их человек на складе. Не то нам отгрузил.

— Ты ж погляди, а? — охнул бригадир. — А то, что я им тут до хрипоты полчаса доказывал это же самое, а они мне твердили, что это мы накуевертили, это как?

— Ну сам же понимаешь как! — хмыкнул Павел. — Ну, пошли, что ли, покажешь, чего тут у тебя сегодня бригада штукатуров наработала.

— А пошли, Павел Петрович, покажу! — обрадовался Иваныч. — Толковые ребятки попались. На постоянку их бы к нам, а?

— На постоянку, говоришь? Ладно, подумаем, — пообещал, входя в дом.

Однако всё осмотреть у Павла не получилось — ему позвонила Марья Антиповна и удивила вопросом:

— Паша, а когда, говоришь, у вас свадьба-то с Любкой?

Глава 7

ПАВЕЛ

— Баб Маш, какая свадьба? Ты о чем? — невольно посмотрел на экран телефона, думая, что показалось.

— Ну как “какая”? Обыкновенная, какие бывают между женщиной и мужчиной. Мы ж тут нормальные, у нас других-то свадеб, слава Богу, не бывает, — усмехнулась в трубку пожилая женщина, не сильно, к слову, объясняя свой странный вопрос.

— Да я в теме, что не бывает.

— Ну вот! Хорошо, что ТЫ это понимаешь, — обрадовалась старушка, выделив интонацией местоимение.

Наш диалог с нормальной, в общем-то, бабушкой всё больше походил на разговор слепого с глухим.

— Баб Маш, а с чего вдруг такой вопрос? Неужели и ты нашла мне невесту и сейчас сватать будешь? — ляпнул в сердцах.

— Ну невеста, конечно, у меня на примете имеется. Правильная, воспитанная, не чета твоей Любке, — заявила уверенно Антиповна.

Я уже собрался её останавливать, мол, это только моё дело, но неожиданно услышал:

— Но ты у нас мужчина самостоятельный, так что, думаю, и без чьей-либо указки сам решить в состоянии, с кем тебе жить, а с кем баловаться.

— Ну спасибо и на этом, — хмыкнул, поблагодарив искренне, устав отмахиваться от местных свах. — Баб Маш, давай уже начистоту: с чего вдруг такой странный вопрос о женитьбе? Если хочешь мне что-то сказать, говори! Я чего-то еще не знаю о Любе?

— А и скажу, Пашуля, скажу! Всё скажу! Ты у нас, конечно, голова, но, поверь, ты очень многого не знаешь об этой змее подколодной, — Антиповна вздохнула и замолчала, явно ожидая моей реакции.

А я удивился — баб Маша, конечно, знала, что Люба у меня не только в няньках. Не от меня, понятное дело, сплетница местная постаралась. Старушка не поддерживала мой выбор, она мне это сразу объявила, но в душу мою не лезла и разговоров на эту тему не поднимала. Почему сегодня начала?

— Да не собираюсь я на ней жениться! Да и с чего бы? Я и не обещал ей этого, — начал я всё-таки оправдываться.

— А, ну да. Ну да. В койке покувыркались и разбежались. Чего уж. Дело молодое, организм требует. Ну да, ну да, — согласилась охотно Антиповна, и мне даже показалось, что обрадовалась. — Ну тогда ладно. Тогда кувyrкайся. Любка у нас в этих делах дюже умелая. И ты у нас молодой. Вам ведь, мужикам, держать-то в себе нельзя. Плохо это для вашего мужского здоровья.

— Марья Антиповна, — начал заводиться, переходя на обращение на “вы”, чего Антиповна не любила, — может, уже объясните, с чего вдруг такие вопросы среди бела дня и такая трогательная забота о моем мужском здоровье?

— Ну так Танюшка вон твоя у меня сидит, пирожки ест и говорит, что не хочет Любку “мамой” называть. Я ж думала, что это ты её заставляешь. А раз не ты, да и не заставляешь, тогда ладно.

— Что? Танюшка? А что она у тебя делает? — от неожиданности опять перешел на привычное обращение.

— Так говорю же! Пирожки с повидлом ест, — продолжила ломать комедию женщина.

Я отвел трубку от уха и заковыристо выматерился. Иваныч, что стоял рядом и всё слышал, крякнул, спрятав улыбку в кулаке.

Ну да, в первый раз мой бригадир услышал, что шеф ругается, да еще так интересно.

— Сейчас приеду! — бросил я в трубку и сбросил вызов. — Иваныч, про маляров подумаю. Прав ты, толковые парни. Нам такие нужны. Всё, встречай масло — должны скоро привезти. Отгрузи им их барахло. И обязательно пусть подпишут, что забрали.

— Понял. Сделаем.

— Ну да что я тебя учу? Ты и сам всё знаешь. Не первый раз замужем. — Иваныч довольно улыбнулся, услышав мою похвалу. — Потом отзвонись мне, как всё получишь-отгрузишь.

— Лады, Павел Петрович! Всё сделаю, не переживай.

Я вылетел пулей к машине. В голове крутились слова Антиповны о том, что Люба, оказывается, заставляет Танюшку называть себя “мамой”. Газанул с места с пробуксовкой, подняв столб придорожной пыли.

— Мама, значит? — скрипнул зубами от злости.

Больше на себя, чем на свою любовницу.

Люба давно намекала, что замуж за меня хочет, а я всё дурака включал, делал вид, что не понимаю. И вот на тебе! Недопонимался!

И другой момент: с какого такого перепугу Танюшка пирожки ест у Антиповны? Как она к ней попала, если дома, в своей комнате спать должна? И как она из дома-то вышла? А Люба где была, что не заметила?

А она точно не заметила, раз не звонит, не сообщает о том, что ребенок из дома пропал. Вот тебе и няня, мать вашу!

Хотя, может, я зря на любовницу бочку-то качу? Может, Люба как раз ищет мою егозу по всему дому, а мне не звонит, потому что боится сказать.

Впрочем, и это не делает Любе части — по факту-то подопечная её пропала. Не подросток, хотя и это страшно было бы, ребенок маленький же совсем!

— Да твою мать! — выругался вслух на самого себя. — Заигрался ты, Лебедев, однако. Булки расслабил. Вот она, мирная жизнь, что делает-то. Однако и Люба заигралась. В семью. Ведь сколько раз у неё проскальзывало вот это всё: “дочка”, “это *мы* здесь переделаем”, “сюда *мы* переставим”. Вещи свои стала потихоньку ко мне перевозить, под любым предлогом всё чаще оставаться на ночь. Удобно? Утром проснулся, присунул, о том, чтоб дочку в детсад отвела, договорился и свалил по делам.

— Вот теперь и разгребай все эти “удобно”! Нет, надо расставить все точки над известными буквами. Давно пора. А Любу сегодня же отправлю восвояси! Всё. Больше она у меня не работает. Ни няней, ни постельной грелкой. Это хорошо, что Танюшка к Антиповне пришла. А если бы на озеро?

Только об одной мысли, что было бы, сбеги дочь к воде, внутри всё похолодело. Нет! Нахер мне такая нянька сдалась! Зарплату, как договаривались, переведу, сверху за постель добавлю, и свободна, красавица!

Только вот где ж мне теперь няню-то Танюшке искать?

Подлетел к дому Марьи Антиповны, заглушил мотор и несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул успокаиваясь. Нервы ни к черту! Нога еще сегодня разболелась. Точно дождь будет!

Так, всё, выдыхай. Иди, забирай дочь да готовься перед Антиповной краснеть. Главное, потом, когда любовницу буду выселять, не напугать ребенка.

У меня было только одно объяснение тому, как дочка у баб Маши оказалась. Сбежала.

Ребенок, что с неё взять? Потому и нанимал ведь няню, чтоб под присмотром была в такие вот моменты, когда у меня работа, а Танюшка болеет. А уж то, что эта няня потом в мою любовницу перекочевала — так это уже я сам виноват, что позволил этому случиться.

Нельзя смешивать личные и рабочие отношения! Нельзя!

Еще раз вдохнул, медленно выдохнул и вышел из машины. Вошел во двор к Антиповне и замер от открывшейся картины — белокурая стройная девушка развешивала на веревке вещи Танюшки.

Стройная, как березка, и светлая такая же.

А фигурка у девушки зачетная! Стройные ножки, тонкие щиколотки, аппетитная попка, обтянутая короткими джинсовыми шортиками, узкая талия под обтягивающей белой хлопковой маечкой, надетой на голое тело.

Интересно, у неё грудь своя? А соски маленькие и розовые, как я люблю? Определенно должны быть розовые — она светлая же, белокожая.

Член в штанах неожиданно дернулся. Что за нахрен? Я ж не изголодавшийся вахтовик, что женщину месяц не имел, буквально вот только что же, и пары часов не прошло, как мы с Любой качественно покувыркались.

Так с чего тогда сейчас на меня нахлынуло? Не от фантазий же о сосках неизвестной мне девушки? Хотя нет, похоже, что как раз от этого.

Пользуясь тем, что на меня никто не смотрит, поправил стояк и, наблюдая за дочкой и незнакомкой, дал себе время остыть и успокоиться.

Дочка крутилась рядом с блондинкой и что-то увлеченно ей рассказывала, красotka слушала, кивала и отвечала.

Повесив последнюю вещь, девушка вдруг опустилась перед Танюшкой на корточки и погладила мою дочь по голове, между делом подтянула ей хвостики и вдруг нажала на её кончик носа.

Но самое странное во всем этом было другое — моя дочь не отвернулась и не отскочила от незнакомой мне девушки. Нет! Она рассмеялась! Они обе рассмеялись и вдруг обнялись.

Они хохотали, обнимаясь, а я завис, как последний болван, разглядывая эту идиллию и вспоминая, а делала ли так хоть раз Люба?

Хвостики да, делала — только вот Танюшка, едва Люба её причешет, убегала от неё. Какое уж тут вот так обниматься?

Дочка ведь никому, кроме меня и Антиповны, не дает себя обнимать-целовать. А тут вот, пожалуйста! И дает, и сама обнимает в ответ, и смеётся.

Так. Стоп. А что это за девушка? Кто такая? Что-то не видел я её у Антиповны ни разу. Да и вообще в деревне не видел.

— Ура-а-а! Мой папочка приехал! — Танюшка первая меня увидела, рванула ко мне, расставив ручки в разные стороны.

Я нагнулся, точно так же расставив руки в разные стороны, и, подхватив дочку, выпрямился, усадив её на локте. Невольно рассмеялся, радуясь такой реакции ребенка, прижал её к себе, в ответ она обхватила меня ручонками за шею и затихла.

Я, почувствовав, что на меня смотрят, посмотрел на девушку и совершенно внезапно поймал на себе строгий взгляд красавицы. Она же, словно решив меня окончательно добить, протянула:

— Та-а-ак, а вот и наш па-а-па-а...

Сказано это было как-то очень уж подозрительно ласково, особенно если учесть, что смотрели на меня при этом строгим взглядом учителя.

Глава 8

Павел смотрел на худенькую блондинку, которая сверлила его взглядом голубых, как льды Арктики, глаз, и не знал, как ему на это реагировать.

Броде бы он не виноват ни в чем, но его упорно не покидало то самое чувство, что испытывал, наверное, хоть раз каждый из нас. Речь о том состоянии, когда стоишь в школе, у доски, смотришь на своих одноклассников и не можешь ничего сказать. И ведь ты точно учил, но не помнишь нифига, стоило только выйти и встать перед всем классом и поймать насмешливый взгляд той девочки, что тебе нравится.

Девушка собралась что-то ещё сказать, но Танюшка её опередила, завозила в руках отца, явно собираясь слезть:

— Папочка, папочка! Пойдем, я тебя познакомлю с моей подругой!

— Подругой? — переспросил на автопилоте.

— Да! Пойдем скорее!

Павел аккуратно поставил свою непоседу на землю, и она, ухватив отца за крупную мозолистую ладонь, потащила его к блондинке.

— Папочка, это Ася. Она к бабушке Маше приехала. Из города. Смотри, какое красивое платишко она мне подарила! — тараторила девочка, вываливая отцу все свои новости.

— Платишко, значит, подарила, — его мозг выцепил почему-то именно эту информацию.

— Да! Ася когда-то сама его носила.

— Сама Ася носила, значит...

Ася смотрела на грозного мужчину, сверлящего её взглядом, и чувствовала себя при этом бабочкой — еще живой, но уже припильенной булавкой к картону.

Под суровым взглядом серых глаз мужчины она начала почему-то оправдываться:

— Носила, да. Бабуля сама его мне когда-то сшила. Павел, но Вы не подумайте ничего такого. Я носила его совсем недолго. Одно лето всего. Потом меня в город увезли, а в таком возрасте дети быстро растут. Вот и я... Выросла...

Говорить под пристальным и острым как скальпель взглядом этого странного мужчины Асе становилось всё труднее. Да что за ерунда? Она ничего такого не сделала, чтобы сейчас стоять, заикаться и оправдываться перед ним.

— Выросла, значит... — донеслось до её слуха и опять с усмешкой.

Эта фраза стала для девушки последней каплей. Да что за намеки, в конце концов? И что его там, заело, что ли, с этим его “значит”?

Вообще-то, это она должна сейчас его сверлить вот таким взглядом и твердить это самое “значит”.

Да тыфу! Зараза! Что ж ты будешь делать-то?! Только не это слово!

Ася сложила руки на груди, вздернула повыше подбородок, распрямила плечи и, глядя в серые глаза мужчины, сверкающие холодной сталью, твердо проговорила:

— Да. Выросла. Хорошо так выросла. Институт с красным дипломом окончила. Педагогический, между прочим. И могу смело утверждать — кое-что я всё-таки понимаю в воспитании детей!

— Ася, это мой папочка. Самый-самый хороший! Ты же хотела с ним познакомиться! — Танюшка щебетала птичкой, не замечая молний, что сверкали между двумя взрослыми.

— Помню, Танюша, да, хотела, — Ася опустила взгляд на девочку и тепло улыбнулась ей. Вернув взгляд на Павла, уже совсем с другими интонациями договорила: — Очень хотела.

— Познакомиться, значит, хотела? — Павел не смотрел на дочь, он смотрел на эту мелкую блондиночку-вертихвостку и пытался выловить главное в сыпавшейся на него информации. — Очень, говоришь, хотела. Ну-ну...

Худенькая, мелкая, едва достающая ему макушкой до плеча, девушка стояла напротив и сверлила его льдинками голубых глаз.

Именно сверлила! Не строила, не пыталась заигрывать с ним, не улыбалась. Нет! Она. Его. Строила. Что за нафиг? С чего бы вдруг?

— Танюша, иди в дом к бабушке Маше. Она там, кажется, печенье сахарное затеяла печь. Ей помощник нужен. Ты уже пекла печенье с бабушкой Машей? — Ася вновь посмотрела на девочку.

— Да, пекла! Бабушка Маша, бабушка Маша! Я тебе помогу печенье вырезать! Я умею! — девочка вприпрыжку рванула к крыльцу, на которое как раз из дома вышла Антиповна.

Женщина оглядела внучку, сложившую грозно руки на груди, перевела взгляд на Павла, стоящего напротив её внучки и сложившего руки точно так же на груди. Кивнула, хитро улыбнулась каким-то своим мыслям и вдруг выдала:

— Шли бы вы... вон хоть на задний двор! А еще лучше в сарай — оттуда вас совсем никто не услышит. Нечего мне тут ребенка пугать своими криками! Нам с ней еще печенье красиво и ровненько вырезать, правда, Танюш?

И, не дожидаясь ответа взрослых, Антиповна, поймав девочку, впечатавшуюся в неё с разбегу, увела ту в дом, плотно закрыв за собой входную дверь.

— Бабуля права, не надо Танюшку пугать. Она и так сегодня уже более чем достаточно испугалась! Теперь главное, чтобы не сказались это на её детской психике. Пошли!

С этими словами Ася ухватила грозного мужчину за локоть и потянула его за собой за дом, на задний двор.

Павел, опешив и от такого обращения, и от командного тона, послушно потопал за Асей, давая девушке увлечь себя из-под окна, за которым его дочка уже что-то делала на кухонном столе.

Ася, сама того не понимая, сейчас ломала все его устои и принципы, по которым он жил всю свою сознательную жизнь.

Во-первых, он когда-то давно, словно в прошлой жизни, заявил своему тогда еще боссу, а теперь другу Владимиру Чернову, что ни одна женщина не будет им командовать.

Была одна, которая командовала. Но тогда он был прикован к больничной койке, а потому выбора у него особо не было. Ничего хорошего из тех его отношений не вышло, так что нет, он, Павел Лебедев, точно не любитель скакать по полю с граблями.

Они сейчас свернут за угол дома, где их не будет видеть и слышать его Танюшка, и он всё этой кукле Барби выскажет. Раскомандовалась тут, понимаете ли.

А во-вторых, ну уж точно не вот этой вот голубоглазой блондиночке командовать им! Так? Или это он сейчас соглашается, что в принципе им можно командовать, но не этой пигалице? Что за херня-то с ним сегодня творится?

Да откуда она такая вообще взялась? Внучка Марии Антиповны, говорите? Ладно, проверим. Всё узнаем: и кто такая, и с кем знакомства красotka водила, и за какие умения диплом свой красный получила.

И, кстати, что она там несет про его дочь и какой-то там испуг?

Но стоило им свернуть за угол дома и пройти вглубь двора, поближе к сараю, как в грудь Павла уперся тонкий девичий пальчик, и он услышал совсем уж дикое заявление от этой наглой и самоуверенной девицы.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.